

Пока Гу Циянь обдумывал свой план по завоеванию кота, император Цинлун, пребывающий в отличном настроении, выпил две пиалы супа, вытер рот платком, поданным евнухом Фу, и сказал:

— На сегодняшнем утреннем совете ты слышал, как министры обсуждали проведение церемонии жертвоприношения Небу. Господин Наставник пребывает в нашем дворе уже более месяца, и согласно установлениям Великой Юй надлежит провести обряд, дабы возвести его на алтарь и возвестить о нём Поднебесную. Я уже повелел Бюро астрономии избрать благоприятный день. Что же касается отбора участников и подготовки церемонии — возьмёшься?

Каждый раз с явлением Господина Наставника в Великой Юй проводилась церемония жертвоприношения Небу, дабы возвестить о его статусе всему миру. Это было не только подтверждением его сана, но и грозным предостережением соседним государствам, демонстрирующим, что Великая Юй богата народом и сильна войском, под защитой Небес, и удача её не иссякнет. Поэтому торжественность церемонии не уступала коронации нового императора.

Поручая это дело Гу Цияню, император Цинлун недвусмысленно выражал своё высокое мнение о нём и обозначал свою позицию перед сановниками. Гу Циянь, разумеется, понимал отцовский намёк. Да и сам он был не прочь взяться за это дело, а потому принял поручение. Император Цинлун остался весьма доволен и, похлопав сына по плечу, изрёк:

— Через пару дней я позволю твоему третьему брату вернуться из войска. Вы не виделись три месяца, негоже, чтобы вы стали чужими. Устроим тогда семейную трапезу, всем будет весело.

Гу Циянь лишь молча улыбнулся. Вспомнив, как его матушка-императрица каждый раз ведёт себя при встрече с супругой Сяо, он почувствовал головную боль. Лишь бы на сей раз пир прошёл без происшествий.

Завершив завтрак, Гу Циянь отправился в свои покои, но на полпути свернул в сторону Чертога Юннин.

Сяо Доуцзы, следовавший за ним, хихикнул в ладонь и, подмигнув, спросил:

— Ваше Высочество, а не соскучились ли вы по Господину Наставнику?

Гу Циянь промолчал, лишь на щеках его выступил лёгкий румянец.

Сяо Доуцзы служил Гу Цияню лет семь-восемь и с малых лет знал, что его господин — человек скрытный и ко всему равнодушный. Лишь в присутствии Господина Наставника в нём просыпалась некоторая юношеская живость.

На это молчание Сяо Доуцзы не обратил внимания и продолжал весело болтать:

— Ваше Высочество, вы ведь не планируете похитить Господина Наставника к себе в Дворец Чансинь, правда?

Гу Циянь на мгновение замедлил шаг, но затем продолжил идти, спокойно бросив в ответ:

— А что, нельзя?

— Конечно, можно! Если вы действительно похитите Господина Наставника в Дворец Чансинь,

мы, слуги, с ума сойдём от радости! Ведь всякий знает, что Господин Наставник — наше сокровище, опора Великой Юй! — Сяо Доуцзы поднял большой палец, лицо его сияло гордостью и восторгом, а глаза просто горели.

Уголки губ Гу Цияня дрогнули в едва уловимой улыбке, а шаги его стали заметно легче. Не успел он ответить, как оживлённый Сяо Доуцзы вдруг поник и с грустью в голосе произнёс:

— Хоть я и мечтаю, чтобы вы похитили Господина Наставника, но ведь по установлениям Великой Юй Господин Наставник не может сочетаться браком с императором. С основания нашей династии ни один Господин Наставник этого правила не нарушал. Если вы, Ваше Высочество...

Сяо Доуцзы запнулся, предпочтя не договаривать, но затем, набравшись смелости, добавил:

— Ваше Высочество, вы ведь знаете, какие надежды возлагает на вас императрица.

Едва он это произнёс, Гу Циянь остановился. Сяо Доуцзы опешил, инстинктивно поднял голову и лишь тогда заметил, что они уже стоят у ворот Чертога Юннин.

Гу Циянь не вошёл, а замер снаружи, простояв так долгое время, пока несколько стражей у ворот не начали с недоумением на него поглядывать. Наконец Сяо Доуцзы услышал, как его господин сиплым голосом произнёс:

— В этом я действительно не оправдал ожиданий матери. Но верю, что она сможет понять.

Сяо Доуцзы сначала остолбенел, затем изумление сменилось шоком, а потом он и вовсе перестал понимать, как ему реагировать. — Ва-ваше Высочество... вы... вы серьёзно? — заикаясь, выпалил он.

Гу Циянь не ответил. Его молчание было красноречивее любых слов.

Сяо Доуцзы наконец прозрел. Ещё когда его господин начал строить хитроумные планы по завоеванию Господина Наставника, ему следовало бы догадаться. Увы, тогда он полностью пал жертвой «ми-ми-мишности» Господина Наставника, мозг его отказал, и он не разглядел истинных намерений своего повелителя.

Из-за особого статуса Господина Наставника в Великой Юй каждый считал за честь взять его в супруги. Увы, эта привилегия была монополизирована императорским родом, что повергало всех прочих в уныние.

С их точки зрения, влюбиться в Господина Наставника было делом самым что ни на есть естественным. Ведь Господин Наставник — такой милый, такой прекрасный, такой могущественный! Устоять перед его обаянием невозможно.

Что до фразы «люди и коты — пути разные», они бы лишь фыркнули с презрением.

Что есть любовь в сравнении с радостью погладить кота?

Что есть трон в сравнении с радостью погладить кота?

Ясно, что ничто.

Удостоиться милости Господина Наставника, получить возможность убирать за ним всю жизнь — вот величайшая честь для истинного Слуги-Уборщика!

Недаром многие принцы в прошлом добровольно отрекались от прав на престол ради Господина Наставника. Таково его обаяние. И пожертвовать таким образом мог лишь член императорского рода, что заставляло всех прочих, не соответствовавших статусу, рыдать в отхожем месте.

Поэтому для Сяо Доуцзы было совершенно естественно, что его господин влюбился в Господина Наставника. Беспокоило его лишь одно: а вдруг Господин Наставник изберёт не его? Вот тогда что делать?

Смешанные чувства радости и тревоги терзали Сяо Доуцзы, когда он последовал за Гу Циянем в Чертог Юннин.

Едва они переступили порог, как до них донёлся шум и гам, словно куры разлетелись, а собаки разбежались. Гу Циянь изменился в лице и ускорил шаг. Подойдя к маленькому садику перед покоями, он увидел пушистый комок, стремительно несущийся в его сторону.

Гу Циянь инстинктивно раскрыл объятия, и пушистый комок без лишних церемоний подскочил к нему, вцепился в ногу, затем, ловко извернувшись, в мгновение ока оказался у него на руках. Передние лапы впились в плечо, а взгляд был прикован к преследователям.

— Что происходит? — успокаивая котёнка в своих руках, нахмурившись, спросил Гу Циянь у подбежавшей толпы служанок и евнухов.

Большинство из них имели потрёпанный вид, а возглавлявший их евнух Ван держал в руках небольшую пиалу с чёрным, отвратительного вида снадобьем. Даже на расстоянии Гу Циянь чувствовал исходящую от неё горечь.

Объяснений не требовалось. Он и так догадался.

Несколько младших евнухов переглянулись и безмолвно пали ниц. Ванцая вытолкнули вперёд. Тот склонился в поклоне и доложил:

— Отвечаю Второму принцу: мы пытались дать нашему повелителю снадобье.

— Какое снадобье?

— От паразитов.

— Горькое?

— ... — На лбу Ванцая выступил пот. — Горькое, — твёрдо ответил он.

В глазах Гу Цияня мелькнуло понимание. Не успел он заговорить, как Господин Наставник, до того момента затаившийся у него на руках, жалобно «мяукнул», полным обиды голосом, затем поднял голову и, с выражением глубочайшего страдания, ткнул лапкой в свой рот. На мордочке и на длинной белой шерсти подбородка остались следы снадобья и... пена.

Неужели его аж до пены довели от горечи?

Гу Цияню стало и смешно, и жалко. Прижимая котёнка, он направился в покои:

— Все, встаньте. Ван, принеси то вяленое мясо, что я давал Господину Наставнику в прошлый раз.

Зачем вяленое мясо? Пэй Мяо не сразу сообразил. Но когда он увидел, как Гу Цянь взял из рук Ванцяя пиалу со снадобьем, его охватил ужас: его собирались поить этим добром собственноручно!

Чёрт возьми, неужели всё так печально? Он-то думал, что нашёл покровителя, может, пожалуется, и тот избавит его от горькой участи. Ан нет, сам же и угодил в лапы к мучителю! Несчастливая же его доля!

Проклятые негодяи, ненавидящие всех котов!

— Мяу! — Отпусти, государственного наставника, сию же минуту!

Пэй Мяо начал вырываться. Глаза его стали круглыми-круглыми, лапы отчаянно замахали, крик был душераздирающим. Гу Цянь едва удерживал его и, слегка сжав загривок котёнка, то ли ласково, то ли с угрозой произнёс:

— Если будешь дёргаться, упадёшь. Тогда снова придётся звать лекаря Хуа, и снова пить горькие снадобья.

Как только Гу Цянь сжал его за шкуру, Пэй Мяо весь замер. Он не только перестал вырываться, но и покорно устроился у него на руках. Сяо Доуцзы от изумления ахнул:

— Ваше Высочество, вы просто волшебник! Одной фразой усмирили Господина Наставника!

Услышав это, Пэй Мяо с негодованием взглянул на Сяо Доуцзы. Будь у него сейчас дар речи, он бы непременно плюнул тому в лицо.

Усмирил его вовсе не Гу Цянь своими словами! Просто тот схватил его за загривок, и он по кошачьему инстинкту обмяк и перестал сопротивляться.

<http://bllate.org/book/16288/1467789>